«Утешайте, утешайте народ Мой говорит Бог ваш. ... Возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все

(Ис. 40: 1-2)

«Народ - венец земного цвета Краса и радость всем цветам: Не миновать Господня лета Благоприятного - и нам»

А. Блок.

живоє слово

(Продолжение. Начало в №18)

Однажды летом я жил в степях сухом кургане.

Вокруг ветряка росло много шерте дни, когда к Воронежу подходили немцы

В отверстие крыши было видно лый пол мельницы и читал романы Эртеля или просто смотрел на небо в отверстие над моей головой.

В нем непрерывно возникали все его тени. новые очень белые и выпуклые обна север.

Тихое сияние этих облаков достигало земли, проходило по моему лицу, и я закрывал глаза, чтобы уберечь их от резкого света. Я растирал на ладони венчик чабреца и с дому колоску. наслаждением вдыхал его запах чудилось, что рядом, за ветряком, уже открылось море и что пахнут чабрецом не степи, а его наглаженные прибоями пески.

Иногда я задремывал около жермысль ко временам Эллады.

Несколько лет спустя я увидел статую египетской царицы Нефертити, высеченную из такого же камня, как и жернова. Я был поражен жензаключалась в этом грубом песчанике. Гениальный ваятель извлек из сердцевины камня дивную голову трепетной и ласковой молодой женее нам, своим далеким потомкам, так же как и он, взыскующим нетленной красоты.

А два года спустя я увидел во мельницу писателя Альфонса Доде. Когда-то он устроил в ней свое жилище.

Очевидно, жизнь на ветряной мельнице, пропахшей мукой и стапахов смолы, хлеба и повилики, пол-горе. ная степных поветрий, света облаков, перелива жаворонков и цвика- Пушкина и Толстого, не опланья каких-то маленьких птичек - не кивали с такой тоской и болью, то овсянок, не то корольков.

к сожалению, ни ветряной, ни водя- лем, но и совершенно родным ной мельницы. И это очень жаль, человеком. потому что ничто так не идет к русскому пейзажу, как эти мельницы. Так же, как русской крестьянской девушке очень идет цветистая шелковая шаль. От нее глаза становят- роги. ся темней, губы - ярче и даже голос звучит вкрадчиво и нежно.

На самом дальнем плане, на притом неожиданные. границе между тусклыми волнами овса и ржи стоял на меже узлова- кие поездки, я обязательно приходил

тый вяз. Он шумел от порывов ветра тем- ми полями. Я говорил себе: «Вот этот черной листвой.

за Воронежем. Все дни я проводил та стоит среди этих горячих полей. Моили в одичалом липовом парке, или жет быть, он охраняет какую-то тайну на мельнице-ветряке, стоявшей на такую же древнюю, как человеческий череп, вымытый недавно ливнем из соседшавого лилового бессмертника. Те- вый. От лба до темени он был рассечен дешь». совая крыша ветряка была наполо- мечом. Должно быть, он лежал в земле брехали на кровавое закатное солнце линебо. Я ложился на глиняный теп- ным шляхам колеса скифских телег-колесниц.

и к этому вязу, и подолгу просиживал в

Скромная невысокая кашка росла на ние лака и медленной чредой уплывали меже. Старый сердитый шмель грозно ловека из своих пустынных владений.

> Я сидел в тени вяза, лениво собилась какая-то родственная любовь к каж-

Я думал, что все эти доверчивые сухой, целебный и южный. И мне стебли и травы, конечно же, мои безмолв этой тихой степи под свободным не-

За Ильинским омутом была видна в новов. Высеченные из розового пес- отдалении зеленая стена. То был лес на чаника жернова переносили мою правом берегу Оки. Далеко за этим лесом пряталась усадьба Богимово, чернел старый парк, и стоял господский дом ных костей был рассыпан маленький готеррасой и венецианскими окнами.

В этом доме одно лето жил Чехов. Он написал здесь «Остров Сахалин» и «Дом родина Наполеона. ственностью и нежностью, какая с мезонином» - бесконечно грустный рассказ о любви и милой девушке Мисюсь.

Мисюсь уехала из этих мест навсегда, но чеховская грусть осталась. Она живет в глубине сыроватых аллей, в пусщины и подарил ее векам, подарил тых комнатах большого дома, где ночные бабочки спят на пыльных оконных стеклах. Если вы прикоснетесь к этой бабочке, то увидите, что она мертва.

Пруд застлан огромным зеленым Франции, в Провансе, знаменитую ковром ряски. Потомки тех карасей, которых здесь удил Чехов, тихонько чав- плохой католик. кают, поедая водоросли и подставляя солнцу то один, то другой бок из литого жениями солнца в стеклянных стенах темного золота.

Но Чехова нет. В год его смерти мне рыми травами, была удивительно хо- было двенадцать лет. Я помню, как у мороша. Особенно на нашей воронеж- его отца сразу опустились плечи и затской мельнице, а не на мельнице ряслась голова, когда ему сказали, что Альфонса Лоде. Потому что Лоде умер Чехов. И как он быстро отвернулжил в каменной мельнице, а наша ся и ушел, чтобы пережить в одиночебыла деревянная, полная милых за- стве свое непоправимое, безнадежное

Никого из русских писателей, кроме как Чехова. Потому что он был Но на Ильинском омуте не было, не только гениальным писате-

> Он знал, где лежит дорога к человеческому благородству, достоинству и счастью, и оставил нам все приметы этой до-

Трудно объяснить, откуда берутся привычки, и

Каждый раз, собираясь в дале-

Константин Паустовский

на Ильинский омут. Я просто не мог уехать, не попрощавшись с ним, со всероссийскими эти-

тополох ты вспомнишь когда-нибудь, ког-Мне все казалось, что вяз неспрос- да будешь пролетать над Средиземным морем. Если, конечно, туда попадешь. А этот последний, рассеянный в небесном пространстве розовеющий луч солнца ты вспомнишь где-нибудь под Паринего оврага. Череп был темно-коричне- жем. Но, конечно, если и туда ты попа-

И все сбылось. Действительно, самовину сорвана воздушной волной в со времен татарского нашествия. И слы- лет шел над Тирренским морем. Я пошал, должно быть, как кликал див, как смотрел в круглое окно-иллюминатор. В бездонной синеве и глубине появились сицы и как медленно скрипели по степ- желтые очертания острова, похожего на цветок чертополоха. Это была Корсика.

> Потом я убедился, что острова с воз-Я часто ходил не только к ветряку, но духа принимают причудливые формы, так Парк погружался во мглу. Изредка же как и кучевые облака. Эти формы им сообщает наше человеческое воображе-

Изорванные многими тысячелетиями, налетал на меня, стараясь прогнать че- покрытые окалиной жары берега Корсики, ее замки, защищавшие остров, как колючки, алый цвет каких-то кустарников, рал цветы и травы, и в сердце подыма- ливень синего средиземноморского света, прорвавшего невидимую небесную плотину и рухнувшего всей своей тяжестью на остров, - все это не могло оторвать мои мысли от маленькой сыроватой ложвные друзья, что мне спокойно и радос- бины на Ильинском омуте, где пахло ботно видеть их каждый день и жить с ними и лиголовом и стоял одинокий чертополох высотой в человеческий рост - неприступный, ощетинившийся своими колючками, своими острыми налокотниками и забралами.

На западном берегу острова горстью выброшенных небрежной рукой игральрод. Он выходил из-под крыла самолета, как пчелиные соты. Это было Аяччо -

- Все завоеватели - клинические сумасшедшие, - сказал, поглядев на Аяччо, мой сосед - толстый и шутливый итальянец в черных очках. - Как только человек, родившийся и выросший среди такой красоты, стал мировым убийцей! Невозможно понять!

Он с шумом развернул газету, просмотрел одну страницу, отбросил газету в сторону и сказал, ни к кому не обращаясь:

- О-хо-хо! А де Голль, кажется, не-Рим сверкал вдали яростными отра-

многоэтажных новых домов. Радио часто и нервно повторяло, что синьора да аэровокзала его собствен-

> ная машина. И мне нестерпимо завенчатый простой дом, на Оку. на Ильинский омут, где меня дожидаются ивы, туманные русские равнинные закаты и друзья.

> Что же касается розовеющего луча солнца, то я тоже увидел его несколько дней спустя вблизи Парижа в городке Эрменонвиле, где в старинном поместье

провел последние свои годы и умер Жан-Жак Руссо.

Консьержка открыла нам железную калитку, молча взяла плату за вход и сердито махнула рукой - показала. откуда надо начинать осмотр парка. без сердца. Потом она так же сердито сказала, что

дом закрыт и мы можем только погулять по парку.

Парк был пуст. Мы не встретили со знакомыми ветлами, в нем ни одного человека. Никто бы не помешал нам побеседовать с тенью Руссо, если бы она существовала в этих местах.

Под ногами трещали желтые листья платанов. Они усыпали не только всю землю вокруг, но и гладь туманных прудов.

Никогда в жизни я не видел таких огромных платанов. Они быстро облетали, обнажая свои исполинские кроны. Казалось, они были отлиты из светлой бронзы великим мастером, каким-нибудь Бенвенуто Челлини. Их вершины окутывал туман, и это придавало деревьям призрачный вил.

Серая тишина стояла вокруг. с ветвей падали нам на руки прозрачные ледяные капли. И всё слетали желтые лапчатые листья. Легкий их треск шел за нами по пятам.

Свинцовое небо простиралось над головой, но цвет этого свинца был все же парижский - легкий и чень светлый.

На острове среди пруда белела гробница Руссо. К ней можно было подъехать только на лодке. Но лодок на пруде не было. И праха Руссо тоже на острове уже не было. Его давно перевезли в Пантеон.

Потом сквозь тюлевую мглу облаков начал просачиваться розовый свет солнца, и платаны вдруг как бы ожили и переменились в лице - покрылись медным блеском

Я вспомнил такой же розовеющий вечер на Ильинском омуте, и знакомая тоска внезапно стиснула сердце, - тоска по нашей простой земле, своим закатам, своем подорожнике и скромном шорохе палой листвы.

Прекрасная Франция, конечно, оставалась великолепной, но равнодушной к нам. Тоска по России легла на сердце. С этого дня я начал торопиться домой, на Оку, где все было так знакомо, так мило и простодушно. У меня холодало под сердцем при одной только мысли, что возвращение на родину может по какой-либо причине задержаться хотя бы на несколько дней.

Я полюбил Францию давнымдавно. Сначала умозрительно, а потом вплотную, всерьез. Но я не мог бы ради нее отказаться даже от Парелли ждет у главного выхо- такой малости, как утренний шафранный луч солнца на бревенчатой стене старой избы. Можно было слеза движением луча по хотелось домой, в бре- слушать голосистые вопли деревенских петухов и невольно повторять знакомые с детства слова:

> На святой Руси петухи кричат,-Скоро будет день на святой Руси...

С платанов изредка слетали листья. Сады Эрменонвиля, священные сады, овеянные памятью Руссо, погружались в сумрачный осенний день, такой же короткий, как и у нас в России. Он был так же печален, как и у нас. Что-то родное виделось нам в этом беззвучном тумане, курившемся над прудом, и в молчании близкой ночи.

Нет! Человеку никак нельзя жить без родины, как нельзя жить

Июль 1964 года